

Николай Семенович Лесков

О русской иконописи

Лесков Николай Семенович

О русской иконописи

Н. С. Лесков

О русской иконописи

Я никогда не в силах буду позабыть того впечатления, которое произвело на меня некогда мое первое свидание с Васильем Александровичем Прохоровым. Почтенный археолог, после довольно продолжительного разговора со мною об упадке русского национального искусства вообще и особенно о безобразном повреждении иконографического искусства, сказал, что он не верит себе, что видит человека с любовью к одной из самых покинутых отраслей русского искусства.

Тогда я не понимал всего значения ни этого отношения почтенного ученого к моим занятиям иконографией, ни его удивления, что он встречает во мне человека, этим интересующегося; но прошло немного времени, и я сам испытываю почти то же самое. Написав недавно заметку об адописных (см. Л 192 "Русского мира") иконах, я имел в виду одну цель: поправить мнение неизвестного мне газетного корреспондента, которое мне казалось ошибочным. Ни на что другое я не рассчитывал, зная, как мало внимания дается у нас

этому предмету. Но вот в 211 Л "Русского мира", по поводу моей заметки, появился отзыв, который меня чрезвычайно удивил; добавлю удивил и, прибавлю, обрадовал, так как из него я вижу, что на Руси есть люди, которые верно понимают значение иконы для нашего простолюдина. Вслед за сим, 29 и 30 минувшего августа, в "Ведомостях С.-Петербургского градоначальства" (ЛЛ 198 и 199) появилась обширная статья, посвященная этому же предмету, в течение столь долгого времени не удостоившемуся никакого внимания. Статья эта, скомпилированная, как кажется, большею частью по Сахарову и Ровинскому, составлена весьма интересно, обстоятельно и толково; но я не буду о ней говорить более и обращусь к письму, вызванному моею заметкою. Автор упоминаемого мною письма (под коим стоят две буквы N. R.) совершенно основательно говорит, что "икона для простолюдина имеет такое же важное значение, как книга для грамотного"; но мне кажется, что икона часто имеет даже несколько большее значение. Однако я не буду спорить об этом и остановлюсь на том положении, что "икона то же, что кни-

га", и тот, кто не может читать книги с иконы, которой поклоняется, отверживает в свое сознание исторические события искупительной жертвы и деяния лиц, чтимых церковью за их христианские заслуги. Это одно само по себе немаловажно. При том состоянии, в каком находится наш малопросвещенный народ, иконы в указанном смысле действительно приносили и приносят до сих пор огромную пользу: так называемые "иконы с деяниями" представляли поклоннику целые истории; но иконописное дело наше находится в самом крайнем упадке, и им занимаются невежды, которые пишут на иконных досках неведомо что и неведомо как, а потому такие иконы не могут служить той полезной для народа службы, какую они приносили прежде.

Упадком этого искусства и даже окончательным низведением его к нынешнему безобразию и ничтожеству у церкви, очевидно, отнимается одно из самых удобных средств распространения в народе знакомства с священной историей и деяниями святых.

Это такая потеря, о которой стоит пожалеть, даже помимо того, что не менее жалко и

само заброшенное искусство, имевшее некогда у нас свой типический, чисто русский характер, и притом стоявшее по технике на такой высоте, что наши иконописные миниатюры своею тонкостью, правильностью и отчетливостью рисунка и раскраски обращали на себя внимание самых просвещенных людей. Таковы, например, капонийские створы русского письма, находящиеся в Ватикане, у папы {подарены Петром I греческому монаху, а тем перепроданы Капони, по имени которого ныне и называются. (Прим. автора.)}, филаретовские святцы в Москве и многие другие.

Потеря эта, однако, к сожалению, до сих пор плохо и мало признана, и только лишь в самое последнее время ее, кажется, понемножку начинают чувствовать. На это есть приметы: при С.-Петербургской академии художеств основан христианский музей с большим собранием иконописных предметов самых разнообразных русских школ; там же есть экземпляры старых греческих икон (эпохи процветания этого искусства в Греции) и превосходные рисунки, сделанные князем Гагариным с достопримечательных икон в

церквах Афона. Кроме того, в этом музее есть интереснейшие образцы иконописи коптской, абиссинской и других. Во дворце ее императорского высочества великой княгини Марии Николаевны группируется другое такое же собрание, которым заведует Д. В. Григорович. При московском Румянцевском музее находится третье превосходное собрание этого рода вещей; при тамошнем же Строгановском училище рисования - четвертое. Кроме того, известны превосходные собрания иконописных вещей и в очень многих частных домах, например: в Москве у Стрелкова и др., в Петербурге у гр. Строганова (наибольшая и наилучшая из всех частных коллекций), также у князя Шаховского, у Лобанова, у Соллогуба, у купца Лабутина и др. Из последних достойно замечания обширное собрание Лабутина, хотя оно и составлено без всякой системы. Кроме того, вкус к старой иконописи видимо возрастает, и специалисты, торгующие этого рода стариною, не затрудняются в сбыте по весьма высокой цене. Все это несомненно показывает, что на Руси нашим русским иконописным искусством еще и о сию по-

ру дорожат, но дорожат очень немногие, а все великое большинство или вовсе о нем ничего не знает, или уверено, что русское иконописание - это та "богомазня", которою заняты ребята да девки в Холуе, Суздале, Палихове и Мстерах.

Однако все названные музеи и собрания почти никем не посещаются, а если и посещаются, то без всякой пользы, потому что ни один русский художник не занимается русской иконографией и самую мысль об этом отвергает, как нечто унижительное, смешное и недостойное его художественного призвания.

Ни один из редких экземпляров наших иконографических музеев не копируется, и благодаря тому все эти музеи, кроме исторического, никакого иного значения не имеют.

Как же помочь этому - разумеется, в том случае, если бы, хотя благодаря штундистам, наконец была создана необходимость поднять русскую иконописную школу на ту высоту, на которой она стояла до порчи ее фрязью, а может быть и развить ее еще выше? Автор письма, напечатанного в 211 Л "Русского ми-

ра", полагает, что можно бы образовать с этою целью общество и что в этом случае могло бы много помочь Обществу распространения книг священного писания; а при этом он также дает мысль делать иконы хромолитографическим способом и распространять их посредством продажи при церквях.

Все это мысли очень сочувственные и в общем довольно практичные, за исключением одной мысли: о производстве икон хромолитографическим путем; это уже совершенно не годится: по желанию и вкусу русского человека, икона непременно должна быть писанная рукою, а не печатная. Хромолитографические иконы народом не принимаются, и как бы они ни были хорошо исполнены, наши набожные люди, держащиеся старых преданий, откидывают печатные иконы и называют их "печатными пряниками и коврижками".

"То, - говорят, - пряник с конем, а это пряник с Николою, а все равно пряник печатный, а не икона, с верою писанная для моего поклонения".

Возбуждать об этом спор с таковыми "богочтителями" было бы, конечно, бесполезно для

дела, тем более что есть и отеческие правила, возбраняющие поклонение иконам печатным и писанным на стеклах. Правил этих народ еще сильно держится, и потому надо, кажется, позаботиться о производстве хороших икон другим путем.

Иконы надо писать руками иконописцев, а не литографировать, но надо писать их лучше, чем они пишутся, и строго по русскому иконописному подлиннику.

Как же достигнуть того, чтобы у нас теперь нашлись мастера, которые стали бы работать в требуемом стиле при хорошем умении рисовать и обращаться с левкасом, красками, золотом и олифою, варка которой у всякого иконописца составляла "особливый секрет"?

Кажется, что в этом случае, чем ходить окольным путем, лучше всего идти прямо к цели и обратиться к самой Академии художеств и Московской художественной школе, которые без всякого затруднения могли бы открыть у себя иконописные отделения, на тех самых основаниях, на каких, например, при Петербургской академии открыто мозаичское отделение. Академия, конечно, не пре-

взошла бы своей компетентности, если бы она обратилась к этому по собственному почину; но как она починать в этом роде, кажется, не склонна, то весьма позволительно было бы Обществу любителей духовного просвещения или Обществу распространения священного писания испробовать отнестись к президенту академии с ходатайством об учреждении иконописного отдела. Если же совет академии найдет сообразным с его участием в жизни народа отклонить от себя эту просьбу и manu intraepidae {недрогнувшей рукой (лат.)} впишет этот отказ в свои летописи, то тогда полезно было бы попытаться учредить премии и открыть иконописный конкурс при петербургской постоянной художественной выставке. Эта мера ни в каком случае не осталась бы без последствий, и такие мастера, как Пешехонов (сын известного реставратора фресок Киево-Софийского собора), даровитый и обладающий большим вкусом московский иконописец Силачев (поднесший свою работу государю императору) и искусный иконописец с поволжского низовья Никита Савватиев, конечно, не преминули

бы явиться на конкурс с такими произведениями русской иконописи, которые обратили бы на это искусство внимание публики, ныне им пренебрегающей и не признающей в нем никаких достоинств, может быть единственно потому, что почти никто из этой публики не видал и не знает хороших образцов в этом роде. Экспоненты, конечно, тут же и продали бы свою работу и приобрели бы новые заказы. Учредить же премию, мне кажется, не было бы особенно трудно, а председательство по присуждению оной, может быть, не отказался бы принять на себя граф Строганов, как член постоянной художественной выставки и едва ли не первый и не совершеннейший современный знаток русского иконописания.

Таковы первые меры, которые могли бы, мне кажется, кратчайшим путем поднять русское иконописание в его производстве; затем, разумеется, понадобятся свои меры и для распространения хороших и вытеснения икон плохих.

На сей последний счет старое время дает нам готовый способ: встарь иконы освящались не иначе, как по рассмотрении их техни-

ческого достоинства тем духовным лицом, которому икона подавалась для освящения. То же самое, разумеется, можно бы постановить построжее наблюдать и теперь. (См. "Книга соборных деяний", лета 7175, г. Москва, и совместный указ святейшего синода и правительственного сената 11 октября 1722 г. о назначении Ивана Заруднева надзирателем за иконописцами.) В этом случае надо возобновить контроль, какой признавал необходимым император Петр I. Но дело в том, что, по случаю дороговизны лицевого подлинника (7 р.), его нет почти ни при одной православной церкви, и потому священник лишен возможности сверить принесенную ему икону с хорошим и правильным начертанием, принятым церковью, а святит все, что ему поднесут. От этого и распространяются иконы самые фантастические. Это бывало и встарь, и тогда изографы "много ложно ко прелести невежд писали" ("Книга соборных деяний"), но за ними тогда было кому наблюдать, а теперь некому. Надо бы, чтобы лицевой подлинник был во всякой православной церкви, ибо без этого само духовенство наше, совершенно не

сведущее в иконописании, не может определить, правильна или неправильна приносимая к освящению икона. Это второе.

Учредить склады икон при церквях - мысль прекрасная; но она одна сама по себе не достигнет своей цели, потому что "богомазы" всегда проникнут в деревню с своим товаром, с дешевизною которого хорошим иконописцам конкурировать невозможно. Притом же безобразнейшие иконы не только покупаются от разносчиков, но они приносятся народом из мест, куда люди ходят на далекое поклонение. В этом особенно знаменит Киев, где теперь в продаже обращается иконопись невероятнейшего безобразия. Как бы ни хороша была икона, продаваемая дома, у ктитора своей приходской церкви, набожная база все-таки непременно предпочтет ей безобразную мазню, которую предложат ей купить на полу под колокольнями лавр и других чтимых монастырей.

И, наконец, надо кому-нибудь собраться с духом и напечатать техническую часть русского подлинника (первую часть греческого подлинника, составленного монахом Дио-

нишем и изданного Dideron, Manuel d'iconographie chretienne, Paris, 1845), {Дидрон, Руководство по христианской иконографии. Париж, 1845 (франц.)} где изложены рецепты приготовления досок, грунтов, полимента, холста, красок, золота, олифы и т. п. У французов, которым это сочинение дорого только как антик, оно переведено и издано, а у нас, для которых оно имеет живое значение, этой части подлинника до сих пор не издано, хотя В. А. Прохоров давно об этом заботится, но заботится вотще. На это нужны средства, а средства у нас не всегда находятся на то, что нужно. Без этого же наставления, или без этого курса, без этой инструкции иконописания, и самый заохоченный к иконописному делу художник будет поставлен в очень большие затруднения, потому что письмо краскою, растворенною на яйце, требует совсем не тех приемов, что письмо масляною краскою. Находящиеся же у некоторых иконописцев редкие экземпляры технической части подлинника в рукописи вообще неисправны, сокращены от лености писцов и перебиты от их бестолковости, а притом всегда очень дорого

стоят (рублей 20 - 30). Затем у всякого мастера варка олифы, сгущение полимента, раствор золота и красок и приемы наведения плавлен - это все составляет секрет, для сохранения которого в самых подлинниках повелевается, например: "творя золото, всех вон выслать"; другие же секреты наивно писаны латинским алфавитом, например, *rodobaet viedet: kako sostawit, poliment*, а третьи, наконец, тарабарщиною, которой, по народному выражению, "сам черт не разберет". Надо непременно вывести это секретничанье, а это только удастся разоблачением секрета, то есть изданием подлинника, обеих частей разом. Без этого же иконописное дело на Руси не может поправиться, и тому есть очевидное доказательство: в иконописных школах Киево-Печерской и Московско-Сергиевской лавр в последнее время начали держаться понемножку русского стиля, то есть удлинняют фигуры от 7 до 9 головок и чертят контуры строже, а поля золотят по полименту, чеканят и пестрят "византиею", но все это отнюдь не дает иконам лаврского письма типического русского характера. Не говоря о том, что во всем рисунке

все-таки остается прежняя безвкусная фрязь, а это вовсе не идет при удлинённой фигуре, самая масляная краска и позолота держатся слабо, и отчетливая мелкость, столь приятная в иконе настоящего иконного письма, отнюдь не достигается при этом смешении стиля и раскраски. С яичными же красками, дающими иконе ей одной приличный, тихий, мягкий, бесстрастный тон и нежность, лаврские мастера совсем обращаться не умеют, и поучить их, как видно, некому, а сами они ничего об этом нигде вычитать не могут, так как техническая часть иконописного подлинника не издана. Из всего этого и произошло то, что в Сергиевой лавре еще недурно пишут (по крайней мере икону одного преподобного Сергия), но в Киевской лавре весь стиль так перемешан и перебуравлен, что надо жалеть, зачем здесь взялись не за свое дело и покинули свой прежний римско-католический пошиб с подрумяненными мученицами и франтоватыми архангелами и ангелами в кавалерственных позах. То было похоже хоть на что-нибудь, тогда как нынешние иконы реставрированной киево-печерской школы могут сви-

детельствовать только о том, что одних добрых намерений писать в русском стиле весьма недостаточно, а уменья негде взять.

Так-то сведено ни к чему и поставлено на нет наше некогда столь славное, столь изумительно прекрасное русское иконописное искусство, о котором, благодаря счастливому случаю, нам неожиданно опять довелось сказать несколько слов, не знаю, на пользу ли ему или на то только, чтобы большее число людей имели случай убедиться, что все, кто мог бы и кому следует позаботиться об этом деле, считают его недостойным своего просвещенного внимания.

Кончаю мою заметку тем, что желающие поддержать вопрос о русском иконописании должны, по моему мнению, не метаться со своими пенями куда попало, а они должны не сводить своих глаз с Академии художеств, которая не только может, но, кажется, и должна бы явиться, по зову общества, на помощь религиозной потребности народа. Ни к кому иному, как к ней, к сей академии, надо адресовать эти справедливые требования.

ПРИМЕЧАНИЯ

О РУССКОЙ ИКОНОПИСИ

Впервые статья опубликована в газете "Русский мир", 1873, Л 254, 26 сентября, без подписи; впоследствии не перепечатывалась.

Интерес Лескова к живописи был постоянным и проявился еще в период жизни в Киеве, где он был знаком с рядом художников. Не менее устойчивым было его внимание к русской иконописи, и не только в связи с обращениями писателя к религиозным и церковным темам, но и как к самостоятельному самобытному жанру русского искусства. Превосходное знание истории иконописания, направлений и школ и даже самой техники мастеров-иконописцев нашло отражение и в художественных произведениях писателя (см. "Запечатленный ангел" в т. 4 наст издания).

Из статей Лескова об иконописи следует еще назвать: "Об адописных иконах" ("Русский мир", 1878, Л 192, 24 июля), "О художнем муже Никите и совоспитанных ему" - об иконописце Н. С Рачейскове ("Новое время", 1886, Л 3889, 25 декабря).

Стр. 179. Прохоров, Василий Александрович (1818 - 1882) - археолог; был преподавателем

лем Академии художеств, основал древнехристианский музей, в 1862 - 1877 годах издавал журнал "Христианские древности и археология".

...Заметка об адописных иконах... - статья Лескова "Об адописных иконах" (см. в примечании выше).

...в 211 Л "Русского мира"... появился отзыв... - Имеется в виду небольшая заметка без заглавия за подписью "N. R."; заметка снабжена обширным примечанием от редакции, которое написано, как можно судить по некоторым формулировкам и положениям, совпадающим с рядом мест статьи "О русской иконописи", самим Лесковым.

Стр. 180. ...в "Ведомостях С.-Петербургского градоначальства"... появилась обширная статья - "Народная иконопись", без подписи; есть указание, что автором ее был С. В. Максимов (см. А. Ф. Писемский. Письма, М., изд. АН СССР, 1936, стр. 839).

Сахаров, Иван Петрович (1807 - 1863) - этнограф, археолог и библиограф; автор труда "Исследования о русском иконописании", СПб, 1849.

Ровинский, Дмитрий Александрович (1824 - 1895) - известен главным образом как историк русского искусства, автор книг "История русских школ иконописания до конца XVII века" (СПб, 1856), "Русские народные картинки" (3 тома, СПб., 1881 - 1893) и др.

Капонийские створы. - См. примечание к "Запечатленному ангелу" (наст. изд., т. 4, стр. 549).

Стр. 181. Гагарин, Григорий Григорьевич (1810 - 1893) - князь, занимал ряд официальных и военных должностей; художник-любитель, в 1859 - 1872 годах был вице-президентом Академии художеств.

Григорович, Дмитрий Васильевич (1822 - 1899) - русский писатель; был одно время секретарем Общества поощрения художеств, организовал при Обществе ценный художественный музей.

Стрелков, Иван Васильевич (1811 - 1877) - попечитель Преображенского богадельного дома в Москве, знаток и любитель древнего иконописания.

Строганов - очевидно, Сергей Петрович Строганов (1794 - 1882), граф, государственный

ный деятель, в 1835 - 1847 годах - попечитель Московского учебного округа; отличался широким интересом к истории русского искусства, издал "Древности российского государства" (1849 - 1853), способствовал археологическим разысканиям.

Шаховской - видимо, Дмитрий Иванович Шаховской - земский деятель, участник изданий по вопросам народного образования и статистики.

Лобанов, Михаил Евстафьевич (1787 - 1846) - писатель, сторонник литературного классицизма.

Соллогуб, Федор Львович (ум. в 1890 г.) - художник, автор ряда миниатюр на исторические темы.

Лабутин, Иван Сергеевич (ум. в 1862 г.) - петербургский купец.

...о "богомазне", которою заняты ребята да девки в Холуе, Суздале, Палихове и Мстерах". - Отрицательный отзыв Лескова вызван здесь тем, что массовое иконописание в названных местах Владимирской губернии приняло характер доходного ремесла, далекого от подлинного мастерства народной живописи.

Стр. 182. Штундисты - одна из рационалистических, христианских сект, распространенных на юге России.

Стр. 185. Дидрон, Адольф-Наполеон (1806 - 1867) - французский археолог; Лесков говорит о его сочинении "Manuel d'iconographie chrétienne, grecque et latin", Paris, 1845 ("Руководство по христианской, греческой и латинской иконографии", Париж, 1845).